ПРАВО И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВИЧ ЧАЙКА

Суд Евразийского экономического союза
220006, Республика Беларусь, Минск, ул. Кирова, д. 5
E-mail: chayka@courteurasian.org
ORCID: 0000-0003-0691-5482

DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-6-chaika

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Аннотация. Одной из тенденций развития современного международного права является его конституционализация, противопоставляемая более традиционным представлениям о плюрализме международного правопорядка. В самом общем виде конституционализм в международном праве рассматривается как само существование международного сообщества и системы международного права, обязательность для государств международного правопорядка, иерархичность норм международного права и наличие регламентированных правом способов разрешения споров. Однако далеко не все эти признаки присущи общему международному праву. С некоторой долей условности, если основываться на ст. 38 Статута Международного Суда ООН, можно говорить об иерархичности норм международного права, но участие в международных договорах является суверенным правом государств, а судебное разрешение споров не носит обязательного характера и зависит от воли заинтересованных сторон.

Более отчетливо тенденция конституционализации проявляется в рамках наднациональных интеграционных объединений. В международно-правовой доктрине идея конституционализации правопорядков интеграционных объединений традиционно рассматривается на примере Европейского союза, где констатируется наличие таких признаков конституционализма, как верховенство и прямое действие права ЕС, кодификация основных прав человека, система судебного пересмотра актов институтов ЕС. Общеизвестно, что ключевую роль в процессе конституционализации права ЕС играет Суд ЕС.

Аналогичные тенденции отмечаются и в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Договором о ЕАЭС предусмотрена его институциональная структура и система источников права, которая носит иерархический характер. Важнейшим инструментом конституционализации правопорядка ЕАЭС выступает

Суд ЕАЭС — постоянно действующий орган Союза, осуществляющий разрешение споров, возникающих при применении права ЕАЭС. При этом на Суд ЕАЭС возлагается обязанность проверки на соответствие в первую очередь Договору о ЕАЭС международных договоров в рамках Союза, действий государств-членов, решений, действий (бездействия) институтов ЕАЭС. В своей практике Суд ЕАЭС последовательно отстаивает прямое действие, непосредственное применение и приоритет права Союза. Можно говорить и о начавшемся процессе формирования общих принципов права ЕАЭС, в частности в решениях Суда нашли закрепление принцип пропорциональности и требование гарантировать в рамках ЕАЭС защиту прав и свобод человека на уровне не ниже, чем она обеспечивается в государствах-членах.

Ключевые слова: международное право, конституционализация, интеграционные объединения, Европейский союз, Евразийский экономический союз, Суд ЕС, Суд Евразийского экономического союза, право Евразийского экономического союза

KONSTANTIN L. CHAIKA

The Court of the Eurasian Economic Union
5, Kirova str., Minsk 220006, Republic of Belarus
E-mail: chayka@courteurasian.org
ORCID: 0000-0003-0691-5482

CONSTITUTIONALIZATION AS A DEVELOPMENT TREND FOR INTEGRATIVE ORGANIZATIONS

Abstract. One of the development trends in contemporary international law is its constitutionalization as contrasted to more conventional conceptions about pluralism of international legal order. In general terms constitutionalism in the international law is treated as the very existence of international community and system of international legal order, bindingness for states of international legal order, hierarchy of rules of international law and existence of dispute resolution methods regulated by law. However, not all of these features can be attributed to general international law. With a certain degree of conventionality, if guided by Article 38 of the Statute of the UN International Court, one may say about hierarchy of the rules of international law, however, the engagement in international treaties is a sovereign right of states while a judicial dispute resolution is of no binding nature and depends on the will of the parties concerned.

More vividly a constitutionalization trend manifests itself within the scope of supranational integrative organizations. In the international legal doctrine the concept of constitutionalization of legal orders of integrative organizations is traditionally

illustrated on the example of the European Union where the availability of such features of constitutionalism as supremacy and direct effect of EU law, codification of basic human rights, system of judicial review of acts of EU institutes is declared. It is generally recognized that Court of Justice of the European Union plays a key role in the process of constitutionalization of EU law.

Similar trends are emerging in the Eurasian Economic Union (EEU). The EEU treaty stipulates its institutional structure and a system of sources of law that is of hierarchical nature. The most essential instrument of constitutionalization of legal order of EEU is EEU Court — a standing body of the Union in charge of resolving disputes arisen in the application of EEU law. At this, EEU Court is charged with a responsibility to verify, primarily, the compliance of international treaties within the scope of the Union, acts of Member States, resolutions, acts and omissions of EEU institutes to the Treaty on EEU. In its practice EEU Court has consistently asserted the direct effect, direct application and priority of the Union law. One may say about the ensuing process of formation of general principles of EEU law, in particular, the principle of proportionality and the demand to guarantee, within the scope of the Union, the protection of human rights and freedoms at the level now lower that it is being implemented in Member States, has been included into the resolutions of the Court.

Keywords: international law, constitutionalization, integrative organizations, European Union, Eurasian Economic Union, Court of Justice of the European Union, Court of Eurasian Economic Union, law of Eurasian Economic Union

1. Введение. Конституционализм в международном праве: характерные особенности

Глобализация, развитие международного права, создание интеграционных объединений и рост количества международных судов приводят к появлению новых правовых конструкций или к переносу на международный уровень категорий, традиционно свойственных национальному праву. Одним из проявлений данной тенденции является формирующееся представление о конституционализации международного права и правосудия. Данная идея, возникнув на основе анализа практики Суда ЕС, получила активное развитие и в настоящее время обсуждается как альтернатива концепции плюрализма международного права.

В самом общем виде конституционализм в международном праве рассматривается как само существование международного сообщества и системы международного права, обязательность для государств международного правопорядка и иерархичность норм международного права¹.

¹ См.: *Tomuschat C. International Law: Ensuring the Survival of Mankind on the Eve of a New Century: General Course on Public International Law. The Hague, 2001. P. 29—43.*

Представители плюралистического подхода в доктрине международного права, напротив, исходят из тезиса о существовании различных международных правопорядков, которые сосуществуют друг с другом вне какой-либо иерархии. Сторонники категоричной концепции плюрализма противопоставляют его возможности переноса конституционных подходов за рамки национальных государств и даже отрицают существование международного сообщества и любое систематическое взаимодействие международного и национального правопорядков². При этом возникающие конфликты предлагается разрешать на основе прагматичных политических подходов, таких как кооперация и поиск компромисса³. В своей более мягкой версии концепция плюрализма признает возможность существования конституционализма за пределами национальных государств, но в рамках отдельных правопорядков. При этом общий международный правопорядок рассматривается как плюралистичный⁴, а конфликты между отдельными входящими в него правопорядками не подлежат разрешению на основе иерархичной системы норм, а регулируются посредством таких принципов, как законность, субсидиарность, уважение прав человека⁵.

Отдельного внимания заслуживает позиция У. Бурке-Уайта, который полагает, что существует некий общий комплекс применимых международных норм, на базе которых международные суды могут разрешать правовые конфликты. По его мнению, такие нормы следует рассматривать как обладающие конституционной природой, а их примером служит Всеобщая декларация прав человека и ст. 38 Статута Международного Суда ООН. К данным нормам У. Бурке-Уайт также относит нормы *jus cogens*, положения об ответственности государств и правила толкования международных договоров⁶.

---

² См.: Kennedy D. One, Two, Three, Many Legal Orders: Legal Pluralism and the Cosmopolitan Dream // New York Review of Law and Social Change. 2007. Vol. 31. Iss. 3. P. 641, 658.

³ См.: Krisch N. The Pluralism of Global Administrative Law // European Journal of International Law. 2006. Vol. 17. Iss. 1. P. 247, 267.

⁴ См.: Walker N. The Idea of Constitutional Pluralism // Modern Law Review. 2002. Vol. 65. Iss. 3. P. 317, 319.

⁵ См.: Kumm M. The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: On the Relationship between Constitutionalism in and beyond the State // Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance / Ed. by J.L. Dunoff, J.P. Trachtman. Cambridge, 2009. P. 227, 258.

⁶ См.: Burke-White W.W. International Legal Pluralism // Michigan Journal of International Law. 2004. Vol. 25. Iss. 4. P. 963, 971.

Представляется, что отличительной особенностью конституционализма на международном уровне является иерархия правовых норм, во главе которой находится единый фундаментальный правовой акт, на соответствие которому проверяются все иные акты международного права, а также наличие регламентированных правом и обязательных для субъектов данного правопорядка способов разрешения споров.

Применительно к общему международному праву выполняется, и то частично, лишь первое условие — иерархичность его норм. В доктрине существуют разные позиции по данному вопросу: от подхода Г. Кельзена, выделявшего в структуре международного права международно-правовые обычаи, международные договоры и нормы, созданные международными судами⁷, до высказанного Рабочей группой Комиссии по международному праву в отчете о фрагментации международного права мнения, что между различными источниками международного права не существует четкой иерархии *inter se*, но выделяются нормы *jus cogens* и имеющие приоритет положения Устава ООН⁸. Представляется, что иерархия международно-правовых норм объективно существует. Подтверждением этому служит п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН⁹, содержащий иерархично структурированный перечень источников применимого права, который, как верно отмечает А.С. Сибатян, хотя и относится *de jure* исключительно к деятельности Международного Суда ООН, *de facto* получил всеобщее признание и воспринимается большинством органов международного правосудия как руководство к действию¹⁰. Вместе с тем в общем международном праве отсутствует единый акт, на соответствие которому при возникновении правового конфликта подлежат проверке иные международно-правовые акты.

Такие характеристики конституционализма, как регламентированные правом и обязательные для участников соответствующего правопорядка способы разрешения споров, не свойственны общему

⁷ См.: Kelsen H. Pure Theory of Law. Gloucester, 1989. P. 324.

⁸ См.: Report of the Study Group of the International Law Commission “Fragmentation of International Law: Difficulties arising from the Diversification and Expansion of International Law” (A/CN.4/L.702 18 July 2006) // United Nations. General Assembly. International Law Commission. URL: <http://legal.un.org/docs/?symbol=A/CN.4/L.702> (дата обращения: 22.09.2019).

⁹ Международный Суд ООН. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 22.09.2019).

¹⁰ См.: Сибатян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М., 2012. 172—181.

международному праву. Участие в международных договорах является суверенным правом государств, а судебное разрешение споров не носит обязательного характера и зависит от воли заинтересованных сторон. Более того, зачастую даже при наличии урегулированной правом процедуры разрешения конфликта требуется отдельно выраженное согласие государства на начало судебного разбирательства.

Вместе с тем вывод о том, что конституционализм не свойствен общему международному праву, не исключает его проявлений в рамках объединений государств, формирующих собственный правопорядок, обладающий приоритетом над правопорядком государств-членов.

Несмотря на сходство этой идеи с концепцией так называемого конституционного плюрализма, предложенной А. Стоун Свитом, которая исходит из существования автономных правопорядков, действующих в рамках некой системы норм высшего уровня¹¹, в рамках данного подхода признается конституционализация интеграционных объединений в отсутствие такой характеристики у общего международного права.

2. Суд ЕС как инструмент конституционализации права Союза

В зарубежной международно-правовой доктрине идея конституционализации права интеграционных объединений традиционно рассматривается на примере Европейского союза; отмечается, что здесь происходит трансфер конституционных теорий с национального уровня на наднациональный¹². Среди критериев, которые свидетельствуют о наличии у правопорядка ЕС признаков конституционализма, выделяют кодификацию основных прав человека, развитие парламентаризма, систему судебного пересмотра актов институтов ЕС, верховенство и прямое действие права ЕС¹³. Ключевую роль в процессе конституционализации права ЕС играет Суд ЕС¹⁴.

---

¹¹ См.: *Stone Sweet A.* Constitutionalism, Legal Pluralism and International Regimes Symposium: Global Constitutionalism — Process and Substance // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 16. Iss. 2. P. 621, 632.

¹² См.: *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* The Constitutionalization of International Law. Oxford, 2011. P. 20–24.

¹³ См.: *The Constitutionalization of the European Union* / Ed. by B. Rittberger, F. Schimmelfennig. London, 2007. P. 2–3.

¹⁴ См., например: *Weiler J.H.* A Constitution for Europe: Some Hard Choices // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40. Iss. 4. P. 563–580; *Stein E.* Lawyers,

Общепризнанной задачей конституционного суда является толкование и уяснение содержания правовых норм на основе конституционных принципов и норм в соответствии с духом конституции¹⁵. Переноса идею конституционного судопроизводства с национального на наднациональный уровень, исследователи отмечают, что о конституционализации деятельности Суда ЕС свидетельствуют следующие ее направления и результаты:

- формирование автономного правопорядка интеграционного объединения¹⁶;
- установление верховенства, прямого действия и непосредственного применения права ЕС¹⁷;
- включение основных прав и свобод в правовую систему ЕС в качестве ее неотъемлемой части через их признание общими принципами права ЕС¹⁸ посредством отсылки к общим конституционным ценностям государств-членов¹⁹. Необходимо подчеркнуть, что общие конституционные ценности, лежащие в основе правовых систем государств — членов интеграционного объединения, представляют собой нечто большее, чем общепризнанные принципы и нормы международного права, которые предполагают более низкий уровень интеграции.

Неотъемлемой чертой правосудия Суда ЕС является толкование правовых норм на основе ключевых норм и принципов учредительных

Judges, and the Making of a Transnational Constitution // *American Journal of International Law*. 1981. Vol. 75. Iss. 1. P. 1–27.

¹⁵ Соответствующий подход присущ и отечественной, и зарубежной правовой доктрине (см., например: *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011; *Longo M.* Constitutionalising Europe: Processes and Practices. London, 2017).

¹⁶ См.: *Longo M.* Op. cit.

¹⁷ См.: *Longo M.* Op. cit.; *The Constitutionalization of the European Union* / Ed. by B. Rittberger, F. Schimmelfennig. London, 2007. P. 1.

¹⁸ Впервые основные права человека были признаны Судом ЕС в качестве общих принципов права в деле *Stauder v. City of Ulm* (CJEU. Case 29/69. *Erich Stauder v City of Ulm — Sozialamt*. Reference for a preliminary ruling: *Verwaltungsgericht Stuttgart — Germany*. Judgment of 12 November 1969. Para. 7). Подробнее см.: *Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека* / Отв. ред. Л.М. Энтин. 2-е изд. М., 2007. С. 351.

¹⁹ См.: *Witte de B.* Interpreting the EC Treaty Like a Constitution: The Role of the European Court of Justice in Comparative Perspective // *Judicial Control: Comparative Essays on Judicial Review* / Ed. by R. Bakker, A.W. Heringa, A.M. Stroink. Antwerpen, 1995. P. 138; *The Constitutionalization of the European Union* / Ed. by B. Rittberger, F. Schimmelfennig. P. 2.

договоров ЕС. Соответственно учредительные договоры приобретают для суда ЕС то же значение, что и конституции для конституционных судов государств-членов.

3. Конституционализация правопорядка Евразийского экономического союза

Анализ права Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и практики Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС) позволяет говорить о наличии предпосылок для конституционализации ЕАЭС.

Договор о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор о ЕАЭС, Договор)²⁰ предусматривает, что Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью (п. 2 ст. 1). В ст. 6 Договора перечислены источники права Союза, а также способы преодоления противоречий между ними, что свидетельствует о существовании собственной правовой системы ЕАЭС. Статья 8 Договора закрепляет институциональную систему Союза, состоящую из Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, Евразийской экономической комиссии (далее — Комиссия) и Суда ЕАЭС.

Взаимосвязанное прочтение перечисленных положений Договора о ЕАЭС позволило мне в особом мнении по делу по заявлению Российской Федерации²¹ сделать вывод о создании в ЕАЭС автономной совокупности правовых норм, являющихся обязательными для всех государств-членов, и как следствие о невозможности для государств-членов придавать приоритет нормам национального права перед правом Союза (п. 3.1)²².

---

²⁰ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.09.2019).

²¹ Суд ЕАЭС. Решение Большой коллегии от 21 февраля 2017 г. по заявлению Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств — членов Таможенного союза // Суд Евразийского экономического союза. URL: [C:/Users/User.User-pc/Downloads/Решение%20от%2021.02.17%20\(11\).pdf](C:/Users/User.User-pc/Downloads/Решение%20от%2021.02.17%20(11).pdf) (дата обращения: 19.09.2019).

²² Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи К.Л. Чайки к решению от 21 февраля 2017 года по делу № СЕ-1-1/1-16-БК // Суд Евразийского экономического союза. URL:

В консультативном заключении от 20 декабря 2018 г. по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (Приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе)²³ Суд ЕАЭС установил, что из систематического толкования ст. 5, п. 2 ст. 8 Договора о ЕАЭС, п. 24 и 43 Положения о Евразийской экономической комиссии²⁴ и гл. IV Статута Суда ЕАЭС²⁵ следует, что государства — члены Союза передали Комиссии и Суду исключительные полномочия в сферах деятельности, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза (абз. 3 п. 2 раздела «Выводы суда»). Данная правовая позиция констатирует наднациональный характер органов ЕАЭС, а также ограничение суверенных полномочий государств-членов в соответствующих сферах.

Следует согласиться с тем, что существование автономной правовой системы ЕАЭС, неразрывно связанное с передачей части полномочий с национального на наднациональный уровень, является необходимой предпосылкой для обоснования верховенства права Союза²⁶.

Таким образом, применительно к ЕАЭС выполняется первое условие конституционализации его правопорядка — существование иерархически структурированной системы правовых норм и нормативно урегулированных способов преодоления коллизий между ними.

Важным свидетельством конституционализации правопорядка ЕАЭС является признание Суда ЕАЭС постоянно действующим органом Союза (п. 1 ст. 19 Договора о ЕАЭС) и введение системы судебного разрешения споров, возникающих при применении права ЕАЭС. Следует также обратить внимание на то, что положения Статута Суда ЕАЭС прямо возлагают на него обязанность по проверке на соответствие в первую очередь Договору о ЕАЭС международных догово-

C:/Users/User.User-pc/Downloads/ние%20судьи%20К.Л.%20Чайки%20(1).pdf (дата обращения: 19.09. 2019).

²³ Суд Евразийского экономического союза. URL: C:/Users/User.User-pc/Downloads/K3%2020122018%20(6).pdf (дата обращения: 14.09.2019).

²⁴ Положение о Евразийской экономической комиссии является Приложением № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

²⁵ Статут Суда Евразийского экономического союза является Приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

²⁶ См.: *Дьяченко Е.Б., Энтин К.В.* Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 131–132.

ров в рамках Союза, действий государств-членов, решений, действий (бездействия) Комиссии (п. 104–109).

Договор о ЕАЭС является основой функционирования Союза, и одновременно для Суда ЕАЭС он выступает основополагающим актом, на соответствие которому проверяются все иные международные договоры в рамках Союза, решения, действия (бездействие) его органов. Договор рассматривается как акт, призванный гарантировать правовой режим судебного обеспечения верховенства права в ЕАЭС, что сближает его основную функцию с той ролью, которую выполнял конституции в государствах-членах.

Анализ практики Суда ЕАЭС подтверждает, что он последовательно отстаивает прямое действие, непосредственное применение и приоритет права Союза.

Первым актом, в котором Суд ЕАЭС высказался по вопросу о свойствах права ЕАЭС, стало решение Большой коллегии от 21 февраля 2017 г. по заявлению Российской Федерации. Суд ЕАЭС пришел к выводу, что положение Договора о ЕАЭС или международного договора в рамках Союза будет обладать непосредственным применением, если оно имеет императивный характер, не содержит изъятий или отсылочных положений (абз. 4 п. 7 раздела «Выводы Суда»). В консультативном заключении от 4 апреля 2017 г. по заявлению Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.²⁷ Суд ЕАЭС сослался на прямое действие права Союза как норм, закрепленных в международном договоре (абз. 1 п. 2 раздела «Выводы Суда»), а в консультативном заключении от 7 декабря 2018 г. по заявлению Комиссии²⁸ Суд уже прямо указал, что основанием для признания норм обладающими свойствами прямого действия и непосредственного применения является тот факт, что эти нормы наделяют заинтересованных лиц правами, являются достаточно четкими и ясными, а также не требуют имплементации в национальное законодательство (абз. 9 п. 2 раздела «Выводы Суда»).

Впервые позиция Суда ЕАЭС о приоритете права Союза, который в доктрине предлагается рассматривать как эквивалент понятия вер-

---

²⁷ Суд Евразийского экономического союза. URL: C:/Users/User.User-pc/Downloads/e%20Суда%20от%2004.04.2017%20(1).pdf (дата обращения: 19.09.2019).

²⁸ Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 7 декабря 2018 г. по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // Суд Евразийского экономического союза. URL: C:/Users/User.User-pc/Downloads/K3%2007122018%20(5).pdf (дата обращения: 19.09.2019).

ховенство права ЕАЭС²⁹, была сформулирована в решении Большой коллегии от 21 февраля 2017 г. по заявлению Российской Федерации, где Суд констатировал несоответствие принципам функционирования Таможенного союза, установленным ст. 25 Договора о ЕАЭС, действий любого из государств-членов по процедурам таможенного контроля, выходящим за рамки требований таможенного законодательства Таможенного союза. Впоследствии в консультативном заключении от 12 сентября 2017 г.³⁰ Суд, подчеркнув, что он исходит из приоритета Договора о ЕАЭС, пришел к выводу о невозможности предоставления сотрудникам Евразийской экономической комиссии гарантий, предусмотренных трудовым законодательством Российской Федерации, в тех случаях, когда они противоречат п. 3 ст. 9 Договора о ЕАЭС. И, наконец, в консультативном заключении от 7 декабря 2018 г. Суд ЕАЭС прямо указал, что при противоречии праву Союза актов национального законодательства, в том числе по вопросу применения ограничений трудовой деятельности профессиональных спортсменов, не соответствующих п. 2 ст. 97 Договора о ЕАЭС, следует руководствоваться положениями права Союза (абз. 10 п. 7 раздела «Выводы Суда»)³¹.

Приведенные позиции Суда ЕАЭС свидетельствуют о том, что им определены основные свойства права Союза, обеспечивающие его эффективное применение в качестве наднационального права как на уровне ЕАЭС, так и государств-членов. Вместе с тем выводы Суда ЕАЭС о верховенстве, прямом действии и непосредственном применении права ЕАЭС имеет и более глубокий смысл, по сути, они указывают на ключевой признак, позволяющий говорить о конституционализации правопорядка ЕАЭС.

Что касается общих принципов права ЕАЭС, то они до настоящего времени не нашли своего закрепления в практике Суда ЕАЭС. Между тем моя позиция, изложенная в особом мнении к консультативному за-

²⁹ См.: Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2017–2018 годах // Закон. 2019. № 3. С. 93; Энтин К., Дьяченко Е. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2018 году // Международное правосудие. 2019. № 1. С. 7.

³⁰ Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 12 сентября 2017 г. по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // Суд Евразийского экономического союза. URL: C:/Users/User.User-pc/Downloads/Консультативное%20заключение%20(3).pdf (дата обращения: 14.09.2019).

³¹ Подробнее см.: Энтин К., Дьяченко Е. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2018 году. С. 4–8.

ключению от 15 октября 2018 г.³², заключается в том, что при вынесении судебного акта в целях обеспечения защиты основных прав человека на уровне, эквивалентном тому, который гарантирован в соответствии с общепризнанными принципами международного права и конституционными нормами государств — членов ЕАЭС, целесообразно основываться на общих конституционных традициях государств — членов Союза, а также международных соглашениях о защите прав человека (абз. 8 п. 10)³³. Представляется, что такой подход в случае его последовательного развития в судебной практике позволит создать своеобразный каталог общих принципов права ЕАЭС и признаваемых в нем прав человека, сходный с тем, что закреплен в Хартии Европейского союза об основных правах³⁴. При этом в основу данного подхода может быть положен тот факт, что преамбула Договора о ЕАЭС закрепляет приверженность безусловному соблюдению принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также общепризнанным принципам и нормам международного права. Каталог основных прав человека в рамках ЕАЭС может быть сформирован за счет восприятия положений Всеобщей декларации прав человека, а также конституционных прав и свобод, общих для всех государств-членов³⁵.

О начавшемся процессе формирования общих принципов права ЕАЭС³⁶ свидетельствует закрепление в актах Суда принципа propor-

---

³² Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 15 октября 2018 г. по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза от 5 июля 2010 года // Суд Евразийского экономического союза. URL: C:/Users/User.User-pc/Downloads/K3%2015%20октября%202018.pdf (дата обращения: 19.09.2019).

³³ Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи К.Л. Чайки к консультативному заключению от 15 октября 2018 г. по делу № СЕ-2-1/3-18-БК // Суд Евразийского экономического союза. URL: C:/Users/User.User-pc/Downloads/ОМ_судьи_КЛЧайки.pdf (дата обращения: 19.09.2019).

³⁴ Chapter of Fundamental Rights of the European Union // OJ. C303/01. Vol. 50. 14 December 2007. P. 1–16. Перевод Хартии на русский язык см.: Европейский Союз. Основопологающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М., 2013. С. 553–569.

³⁵ Подробнее см.: *Чайка К.Л.* Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции // Интеграционные процессы в Европе и Евразии: роль Конвенций Совета Европы. М., 2017. С. 235–254.

³⁶ См.: *Энтин К., Дьяченко Е.* Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2018 году. С. 10.

циональности³⁷ и положения о необходимости гарантировать в ЕАЭС защиту прав и свобод человека и гражданина на уровне не ниже, чем она обеспечивается в государствах-членах³⁸.

4. Заключение

Практика Суда ЕАЭС демонстрирует существование объективных предпосылок для вывода о конституционализации Евразийского экономического союза. К их числу относится наличие собственной правовой и институциональной системы, обязательность судебного разрешения споров, приоритет, прямое действие и непосредственное применение права Союза. С учетом закрепленной в Договоре о ЕАЭС приверженности верховенству конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также общепризнанным принципам и нормам международного права не исключено формирование на уровне ЕАЭС собственного каталога основных прав человека. В связи с этим представляется оправданным обратиться к предложенному Н.С. Бондарем применительно к правовой системе Российской Федерации понятию судебного конституционализма³⁹ и рассматривать его в контексте ЕАЭС как режим судебного обеспечения верховенства, прямого действия и непосредственного применения права Союза, гарантирующе-

³⁷ См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 30 октября 2017 г. по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (п. 6, 7, абз. 6 п. 9 раздела «Выводы Суда») // Суд Евразийского экономического союза. URL: C:/Users/User-pc/Downloads/Консультативное%20заключение%20(7).pdf (дата обращения: 19.09.2019); Консультативное заключение от 7 декабря 2018 г. по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (абз. 1 п. 5 раздела «Выводы Суда»).

³⁸ См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 20 декабря 2018 г. по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (Приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе) — абз. 5 п. 3.1 раздела «Выводы Суда».

³⁹ По мнению Н.С. Бондаря, судебный конституционализм может быть определен как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативно-правовых факторов конституционализации законодательства и всей правовой системы демократического правового государства (см.: *Бондарь Н.С.* Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. М., 2012. С. 69–70).

го в ЕАЭС соблюдение основных прав человека на уровне не ниже, чем это предусмотрено конституциями государств-членов.

Очевидная тенденция конституционализации правопорядка ЕАЭС, дополненная устоявшейся в доктрине позицией о наличии соответствующей характеристики у правопорядка ЕС, подтверждает вывод о плюрализме международного права, выражающемся в сосуществовании автономных правопорядков, среди которых присутствуют правопорядки интеграционных объединений, содержащие элементы конституционализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. М.: Формула права, 2012.

Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.

Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2017–2018 годах // Закон. 2019. № 3. С. 88–109.

Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 123–133. DOI: 10.12737/art_2018_10_12

Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / Отв. ред. Л.М. Энтин. 2-е изд. М.: Норма, 2007.

Смбатян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012.

Чайка К.Л. Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции // Интеграционные процессы в Европе и Евразии: роль Конвенций Совета Европы. М.: Развитие правовых систем, 2017. С. 235–254.

Энтин К., Дьяченко Е. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2018 году // Международное правосудие. 2019. № 1. С. 3–22. DOI: 10.21128/2226-2059-2019-1-3-22

Burke-White W.W. International Legal Pluralism // Michigan Journal of International Law. 2004. Vol. 25. Iss. 4. P. 963–979.

Kelsen H. Pure Theory of Law. Gloucester: Peter Smith, 1989.

Kennedy D. One, Two, Three, Many Legal Orders: Legal Pluralism and the Cosmopolitan Dream // New York Review of Law and Social Change. 2007. Vol. 31. Iss. 3. P. 641–659.

Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. The Constitutionalization of International Law. Oxford: Oxford University Press, 2011. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199543427.001.0001

Krisch N. The Pluralism of Global Administrative Law // European Journal of International Law. 2006. Vol. 17. Iss. 1. P. 247–278. DOI: 10.1093/ejil/chi163

Kumm M. The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: On the Relationship between Constitutionalism in and beyond the State // *Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance* / Ed. by J.L. Dunoff, J.P. Trachtman. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 258–325. DOI: 10.1017/cbo9780511627088.011

Longo M. Constitutionalising Europe: Processes and Practices. London: Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315259550

Stein E. Lawyers, Judges, and the Making of a Transnational Constitution // *American Journal of International Law*. 1981. Vol. 75. Iss. 1. P. 1–27. DOI: 10.2307/2201413

Stone Sweet A. Constitutionalism, Legal Pluralism and International Regimes Symposium: Global Constitutionalism — Process and Substance // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 16. Iss. 2. P. 621–645.

The Constitutionalization of the European Union / Ed. by B. Rittberger, F. Schimelfennig. London: Routledge, 2007.

Tomuschat C. International Law: Ensuring the Survival of Mankind on the Eve of a New Century: General Course on Public International Law. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2001.

Walker N. The Idea of Constitutional Pluralism // *Modern Law Review*. 2002. Vol. 65. Iss. 3. P. 317–359. DOI: 10.1111/1468-2230.00383

Weiler J.H. A Constitution for Europe: Some Hard Choices // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40. Iss. 4. P. 563–580. DOI: 10.1111/1468-5965.00388

Witte de B. Interpreting the EC Treaty Like a Constitution: The Role of the European Court of Justice in Comparative Perspective // *Judicial Control: Comparative Essays on Judicial Review* / Ed. by R. Bakker, A.W. Heringa, A.M. Stroink. Antwerpen: Maklu, 1995. P. 133–152.

REFERENCES

Bondar, N.S. (2011). *Sudebnyi konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial Constitutionalism in Russia in the Light of Constitutional Justice]. Moscow: Norma; INFRA-M. (in Russ.).

Bondar, N.S. (2012). *Rossiiskii sudebnyi konstitutsionalizm: vvedenie v metodologiyu issledovaniya* [Judicial Constitutionalism of Russia: Introduction of the Investigation Methodology]. Moscow: Formula prava. (in Russ.).

Burke-White, W.W. (2004). International Legal Pluralism. *Michigan Journal of International Law*, 25(4), pp. 963–979.

Chaika, K.L. (2017). Sootnoshenie prav cheloveka i osnovnykh svobod i ekonomicheskoi integratsii [The Relationship between Human Rights and Fundamental Freedoms and Economic Integration]. In: *Integratsionnye protsessy v Evrope i Evrazii: rol' Konventsii Soveta Evropy* [Integration Processes in Europe and Eurasia: The Role of the Council of Europe Conventions]. Moscow: Razvitie pravovykh sistem, pp. 235–254. (in Russ.).

Dyachenko, E.B. and Entin, K.V. (2018). Svoistva prava Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza skvoz' prizmu praktiki Suda EAES [Properties of the EAEC Law through the Prism of the Practice of the Court of the Eurasian Economic Union]. *Zhurnal ros-*

siiskogo prava [Journal of Russian Law], (10), pp. 123–133. (in Russ.). DOI: 10.12737/art_2018_10_12

Dyachenko, E.B. and Entin, K.V. (2019). Obzor praktiki Suda Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza v 2017–2018 godakh [An Overview of the Eurasian Economic Union Court's Case Law in 2017–2018]. *Zakon* [Law], (3), pp. 88–109. (in Russ.).

Entin, K. and Dyachenko, E. (2019). Obzor praktiki Suda Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza v 2018 godu [An Overview of the Case-Law of the Eurasian Economic Union Court in 2018]. *Meždunarodnoe pravosudie* [International Justice], (1), pp. 3–22. (in Russ.). DOI: 10.21128/2226-2059-2019-1-3-22

Entin, L.M. ed. (2007). *Evropeiskoe pravo. Pravo Evropeiskogo Soyuz a i pravovoe obespechenie zashchity prav cheloveka* [European Law. European Union Law and Legal Protection of Human Rights]. 2nd ed. Moscow: Norma. (in Russ.).

Kelsen, H. (1989). *Pure Theory of Law*. Gloucester: Peter Smith.

Kennedy, D. (2007). One, Two, Three, Many Legal Orders: Legal Pluralism and the Cosmopolitan Dream. *New York Review of Law and Social Change*, 31(3), pp. 641–659.

Klabbers, J., Peters, A. and Ulfstein, G. (2011). *The Constitutionalization of International Law*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199543427.001.0001

Krisch, N. (2006). The Pluralism of Global Administrative Law. *European Journal of International Law*, 17(1), pp. 247–278. DOI: 10.1093/ejil/chi163

Kumm, M. (2009). The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: On the Relationship between Constitutionalism in and beyond the State. In: J.L. Dunoff and J.P. Trachtman, eds. *Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 258–325. DOI: 10.1017/cbo9780511627088.011

Longo, M. (2017). *Constitutionalising Europe: Processes and Practices*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315259550

Rittberger, B. and Schimmelfennig, F. eds. (2007). *The Constitutionalization of the European Union*. London: Routledge.

Smbatyan, A.S. (2012). *Resheniya organov mezhdunarodnogo pravosudiya v sisteme mezhdunarodnogo publichnogo prava* [Decisions of the International Justice Bodies in the System of Public International Law]. Moscow: Statut. (in Russ.).

Stein, E. (1981). Lawyers, Judges, and the Making of a Transnational Constitution. *American Journal of International Law*, 75(1), pp. 1–27. DOI: 10.2307/2201413

Stone Sweet, A. (2009). Constitutionalism, Legal Pluralism and International Regimes Symposium: Global Constitutionalism — Process and Substance. *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 16(2), pp. 621–645.

Tomuschat, C. (2001). *International Law: Ensuring the Survival of Mankind on the Eve of a New Century: General Course on Public International Law*. The Hague: Martinus Nijhoff Publ.

Walker, N. (2002). The Idea of Constitutional Pluralism. *Modern Law Review*, 65(3), pp. 317–359. DOI: 10.1111/1468-2230.00383

Weiler, J.H. (2002). A Constitution for Europe: Some Hard Choices. *Journal of Common Market Studies*, 40(4), pp. 563–580. DOI: 10.1111/1468-5965.00388

Witte de, B. (1995). Interpreting the EC Treaty Like a Constitution: The Role of the European Court of Justice in Comparative Perspective. In: R. Bakker, A.W. Heringa and A.M. Stroink, eds. *Judicial Control: Comparative Essays on Judicial Review*. Antwerpen: Maklu, pp. 133–152.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Чайка Константин Леонтьевич — судья Суда Евразийского экономического союза, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации.

AUTHOR'S INFO

Konstantin L. Chaika — Judge of the Court of the Eurasian Economic Union, Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Чайка К.Л. Конституционализация как тенденция развития интеграционных объединений // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 5. С. 145–161. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-6-chaika

CITATION:

Chaika, K.L. (2019). Constitutionalization as a Development Trend for Integrative Organizations. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(5), pp. 145–161. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-6-chaika